

нув, глаголаше...».¹³ Составитель жития Стефана Комельского надеялся, что бог просветит его «разум и отверзнет очи сердечныя и да пишу о святем».¹⁴ Товарищ Епифания — Кирилл, очевидно, предпочитал это внутреннее зрение внешнему, как более достоверное. Когда бесы старались разорить его келью, «зряху кирилловы чувственные очи от основания разоряему, мысленнии же разумеваху — быти мечтание притворное».¹⁵ Это внутреннее зрение подвижника помогало и его общению с потусторонним миром во время сна. Так, составитель жития Евфросина Псковского пишет, что он «в тонце сне въздремах... а умныма очима яко яве зрящу». И тогда предстали перед ним сам Евфросин со Серапионом. В другой раз «усну в тонце сне... а мысленныя очи мои и паче суть яко яве отверсты. И се абие внезапу предста ми некто в образе уноша... И аз възбнух и никогож видех».¹⁶

В такой же обстановке сна и видения, с таким же намеренным противопоставлением «телесного» и «сердечного» зрения раскрывает Епифаний свое общение с неземным миром. Однажды в пустозерской темнице, рассказывая он, «наиде на мя сон мал: и вижу сердечныма очима моима темничное оконце мое... широко стало и свет ко мне в темницу сияет». Из света этого «сотворися» образ спаса. «Аз же отворил очи мои телесныя и поглядев на оконце мое темничное, а оконце по старому, яко же и преже бысть».¹⁷ Автор подчеркивает здесь, что один и тот же реальный предмет («темничное оконце») может представляться в разном виде «очам телесным» и «очам сердечным». В другом случае: «и сведохся абие в сон мал, и вижу в келейце моей сердечными очима моима гроб, а во гробе лежит старец Евфросин» (244); или: «И вижу сердечными очима моима, кабы сотник к темнице моей пришел» (257).

Два способа наблюдения над жизнью и над самим собою («телесными очами» и «сердечными очами») отражают свойственное сознанию автора раздвоение его бытия, два плана его жизни: жизнь внешнюю — временную, исполненную страданий, и жизнь внутреннюю — вечную, приносящую утешение. Однако если в агиографии эти два способа видения мира применялись героем для оценки явлений внешней жизни, то в житии Епифания происходит существенное изменение. Автобиографизм Епифания в сфере изображения его внутренней жизни представляет собой художественную реализацию способа наблюдения «сердечными очами» над самим собою. Благодаря ему создается повествование о жизни собственной души, как бы объективизированной и сохраняющей все свойства автора как живого человека, но свободно вступающей в общение с неземным миром. Параллельно с этим развивается повествование и о внешней (реальной) жизни автора, наблюдаемой «телесными очами», но это повествование создает лишь ту обстановку, которая мотивирует предпринятое автором самораскрытие жизни внутренней.

Декларируемая в житийной литературе способность героя к наблюдению потусторонних явлений при помощи «сердечных очей» не выходила

¹³ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 447—448.

¹⁴ Житие Стефана Комельского. Сообщение Х. Лопарева. — ПДП, LXXXV, 1892, стр. 6.

¹⁵ Житие и подвизи инока Кирилла, первого выгорецкаго пустынножителя. ГПБ, Q. I. 1062, л. 83.

¹⁶ Житие Евфросина Псковского (первоначальная редакция). К изданию приготовил Н. Серебрянский. СПб., 1912, стр. 67, 75, 80.

¹⁷ Житие Епифания цитируем по изданию: Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912 (ЛЗАК, т. XXIV), стр. 255 (далее страницы указываются в тексте в скобках).